

УДК 305.5

DOI: 10.17223/1998863X/48/11

И.В. Катерный

ГЕНДЕРНО-СЕКСУАЛЬНАЯ ТРАНСМОБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ПОРЯДКА В ПОСТГУМАНИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Практики гендерно-сексуальной трансмобильности рассматриваются как проявление расширяющейся морфологической свободы человека в постгуманизированном обществе. В рамках подхода «борьбы за признание» А. Хоннета трансформация традиционных гендерно-сексуальных аскриптивных распределений трактуется как столкновение морфогенетических и морфотаксических элементов социально-нормативного порядка. Расширение области признания новых идентичностей сопровождается производством и воспроизводством структур непризнания на когнитивном, моральном и правовом уровнях социальности. Таким образом, делается вывод об эволюционной значимости половой гетеронормативности в обществе как основы выживания вида.

Ключевые слова: постгуманизм, морфологическая свобода, морфогенез, признание, гендер, пол, секс, гетеронормативность.

Одной из главных черт социальной онтологии XXI в. становится распространение постгуманизированных практик изменения, мутации и «переизобретения» социальных идентичностей [1]. Происходит снятие аскриптивных (т.е. онтологически «сильных») границ между примордиальными статусными распределениями, сохранявшими свое значение на всем протяжении социальной истории: (а) снятие оппозиции между человеческим и субчеловеческим (например, через легитимацию прав эмбрионов); (б) между культурным и природным (например, транссексуализм); (с) между одушевленным и неодушевленным (например, через задействование гуманоидных роботов), а также (д) между физическим и не-физическим (например, через развитие аватар-технологий). В результате таких практик образуется новая область *странных* и *гибридных* статусов и идентичностей действующих, обладающих смесью аскриптивных и вениральных («достигаемых») характеристик. Этот процесс в ряде публикаций описывается нами через понятие трансмобильности [2, 3], подразумевающей как индивидуальные и независимые *переходы* от прошлой предписанной к новой транзитивной позиции, так и внешние *переключения*, ориентированные на принудительную символическую и нормативную трансформацию идентичностей как индивидуальных агентов, так и целых групп субъектов и объектов.

Сегодня мы наблюдаем настолько сильную перформативную капитализацию индивидуального тела, что гендерные, возрастные и даже расовые атрибуты не распознаются однозначно, уступая место полной *индивидуации* при помощи инструментов «морфологической свободы». Этим термином такие известные трансгуманисты, как А. Сандберг, Н. Бостром [4, 5], описывают расширяющиеся до предела возможности изменять своё тело по собственному желанию посредством таких технологий, как косметическая хирургия, генная

инженерия, нанотехнология, киборгизация (протезирование), загрузка сознания, витрификация (быстрое замораживание перед или сразу после смерти). Как известно, операции по смене пола, вживление искусственных органов и частей тела, пересадка искусственно выращенных органов, редактирование генома уже стали реальностью. Проблема старения также находится, по мнению некоторых ученых-генетиков (Дж. Чёрч), на грани своего решения. Продолжением морфологической свободы является также свобода репродуктивная, дающая людям право выбирать способ зачатия детей и заранее модифицировать их будущий генетический портрет. Г. Грили, правовед из Стэнфорда, в марте 2016 г. выпустил книгу под названием «Конец секса и будущее человеческого размножения», где он обобщил результаты исследований в этом направлении и сделал вывод, что в ближайшие 20 лет оплодотворение с помощью стволовых клеток (взятых из кожи родителей) и генетическое программирование детей станет доступной, легальной и безопасной технологией, что сделает обычный секс ненужным и ненадежным предприятием для размножения [6]. Несмотря на ожесточенную критику этих инноваций со стороны так называемых биоконсерваторов (Л. Касс, Дж. Рифкин, М. Сандел и др.), указывающих на проблемы нового генетического неравенства и непредсказуемых медицинских последствий евгенических опытов, беспристрастный взгляд показывает неизбежность развития и распространения новых услуг. В этом смысле социологи делают вывод о последовательном сращивании биотехнологий и социальных институтов, что ведет к формированию *биоэкономики*, *биокapитализма*, *биогражданства* и *биосоциальности* в целом. В частности, один из наиболее влиятельных современных английских социологов Н. Роуз говорит о современном «молекулярном дискурсе» как апофеозе исторической биополитики, открытой в свое время М. Фуко в качестве одного из базовых элементов социального контроля в обществе, направленного на осуществление (био)власти над здоровьем людей: «...молекулярная биополитика дарует новую мобильность самим элементам жизни, которые становятся объектами биологических, межличностных, географических и финансовых операций» [7. Р. 15].

Пол, гендер и секс в эпоху постгуманизма

В области гендерно-сексуальных отношений история показывает высокую ригидность гетеронормативной структуры, требовавшей, чтобы гендерный дисплей четко соответствовал природному полу. Хотя здесь и могли бы быть свои исключения¹, нормативно-ролевой изоморфизм «мужского» и «женского» всегда был важнейшей частью примордиальной реальности со-

---

¹ Очень часто переходы из одного статуса в другой носили санкционированный властью, почти вынужденный характер. Например, в некоторых североамериканских племенах трансгрессия гендерной аскриптивности была связана с мистическим опытом: молодой индеец в случае, если во время поста получал знак благословения от духа Луны, был обязан после этого «надеть юбку» и «превратиться» в женщину. Частью этого благословения были сила предсказывать будущее и способность превзойти любого в исполнении женских обязанностей. Такие люди, известные как «бердаши», обретали особое уважение и почитались как шаманы. В противовес этому мужчина, который показывал трусость в бою, мог быть силой склонен принять роль женщины под страхом смерти. Этих мужчин не признавали бердашами, и отношение к ним было презрительное [8]. В целом все трансгендерные и транссексуальные отклонения в традиционном обществе, начиная с мифов о гермафродитах, в соответствии с принципом трансгрессии («запретного перехода») находились либо в области сакрального, освященного мира за пределами профанной реальности (ангелы, боги и т.п.), либо их носители стигматизировались в отдельную касту (евнухи, певцы-кастраты, индийская каста «хиджра» и т.п.).

циального порядка, основанного прежде всего на воспроизводстве и легитимации аскриптивно закрепленных различий («живой – мертвый», «человеческое – нечеловеческое» и др.). Когда Г. Гарфинкель в 1950-е гг., работая в университетской больнице, подробно описывал известный в социологической литературе случай с транссексуалом Агнес как особый пример оригинального и экстраординарного этнометодологического эксперимента над собственной личностью [9], он отмечал, что подобные гендерные сдвиги являются «нормативно запрещенными» и вызваны прежде всего неконтролируемыми анатомическими аномалиями. Даже сами носители подобных «переходов» в те времена не подвергают сомнению типизацию дихотомизированной половой структуры и всеми силами стремятся убедить себя и окружающих в своей нормальности, несмотря на «вынужденную» смену аскриптивного статуса. Подобные довольно редкие случаи становились предметом изучения на факультетах психиатрии, урологии и эндокринологии, что подчеркивало их «природно» ненормальный, вынужденный, адаптивный характер. Но так было до сих пор. Новая нормативная реальность такова, что морфологическая структура возможностей сужает область нормативно запрещенного путем дерегуляции первичных статусно-аскриптивных различий. Сверхиндивидуализированное общество создает десятки определений новых гендерных идентичностей. Например, социальная сеть «Фейсбук» с 2014 г. предоставила своим пользователям в США и Великобритании возможность выбора 70 вариантов ответа на вопрос о своей гендерно-половой идентичности – от асексуала и андрогина до «двоедуха» (two-spirit) и полигендера. Также можно выбрать и местоимение для обращения к себе – «он», «она» или «они/мы». Социальное творчество происходит в таком масштабе, что само наличие отклоняющегося поведения в гендерных практиках ставится под вопрос, что создает новую супернорму – гендерную нейтральность, т.е. отсутствие девиации (как таковой)¹. С социологической точки зрения представляет интерес вопрос, как в ситуации беспрецедентного нормативного морфогенеза в области гендерно-сексуальной аскриптивности возможно сохранение и воспроизводство самого нормативного порядка с позиции выживания вида?

Базовой гипотезой для нас выступает предположение о существовании механизма компенсации сильных морфогенетических изменений в области эволюционной аскриптивности за счет задействования структур нормативного сопротивления или так называемого реститутивного морфотаксиса². Согласно теории борьбы за признание А. Хоннета [13] общество представляет собой легитимный порядок институционализированных практик взаимного признания, регулирующих отношения между субъектами на различных уровнях и делающих возможным процесс социальной интеграции. Движение в

---

¹ Например, по данным Института Вильямса, только в США около 1,5 миллиона людей (взрослых и подростков) считают себя трансгендерами [10, 11]. В 2016 г. операций по «подтверждению пола» (gender affirmation surgeries) в США было проведено более 3200 раз, и количество подобных запросов от американцев растет ежегодно [12]. Общее же количество операций в мире по изменению первичных и вторичных признаков пола, по разным оценкам, может достигать 25 тыс. в год. А нашумевшие случаи «переходов» американцев Т. Бити («первый беременный мужчина») и К. Дженнер сделали их всемирно известными медийными звездами в сфере транссексуализма.

² В рамках анализа социальных изменений нормативный морфотаксис рассматривается диалектически как противоположность процессам нормативного морфогенезиса. Образовано от древнегреческого *τάξις* («таксис») – порядок, организация, устройство. Ср.: синтаксис.

сторону расширения границ свободы на индивидуальном или групповом уровнях характеризует ценностное измерение процесса модернизации. Однако борьба за признание автономности и свободы всегда сталкивается с требованием социальной интеграции и в этом смысле представляет собой стержень нормативной истории всякого общества. Хоннет выделяет три интересубъективные сферы, обеспечивающие различные способы социальной интеграции и индивидуальной самореализации в условиях морфогенетического конфликта. Немного видоизменив их, можно предположить, что столкновение морфогенетических и морфотаксических сил социального порядка в условиях трансмобильности происходит на когнитивном, моральном и правовом уровнях. Первый, наиболее глубокий уровень задействует языковые, эмоциональные и бессознательные структуры личности, включая движение сексуальных желаний. Второй связан с обретением признания общественной ценности и достоинства как основания для принятия в сферу морального и коммуникативного сообщества. Здесь образуется или исчезает зона социальной стигмы. И третий уровень характеризует политический порядок доминирующих норм, включая биополитику власти.

Рассмотрим, как борьба за признание гендерно-сексуальной свободы сталкивает морфогенетические и морфотаксические элементы на трех уровнях социального порядка.

С одной стороны, казалось бы, модернизация под давлением постгуманистской индивидуализации ведет к полной легитимации персональной автономии тела и воображения, элиминируя гетеронормативность как примордиальную аскриптивную реальность. Однако, как показывают исследования, легитимизация суверенного публичного гендера даже в развитых обществах не распространяется так свободно на сексуальные нормы, обладающие более ригидным характером. Американские исследовательницы К. Шилт и Л. Уэстбрук, в частности, на основе серии интервью и анализа уголовной хроники указывают, что паттерны смешанного взаимодействия с открытыми трансгендерами в ситуации публичного контакта вполне позволяют не принимать во внимание половую принадлежность индивида и конструировать его/ее гендерную идентичность сугубо перформативно (через гендерный дисплей). Но как только трансгендер входит в пул сексуальных партнеров представителя гендерного большинства, приписывание статусно-ролевой позиции актуализирует примордиальную гетеронормативность: «...одних культурных гениталий больше недостаточно, а определенность в биологических гениталиях становится обязательной – либо пенис, либо вагина» [14. Р. 461]. Нарушение нормы сексуальной аскриптивности может вести к тяжелым последствиям – 56% убийств трансгендеров в США в период с 1990 до 2005 г. связаны именно с чувством обмана, которое испытывал убийца со стороны жертвы [14. Р. 452].

В другом известном лонгитюдном исследовании транссексуалов в Швеции, проводившемся с 1973 по 2003 г., было установлено, что в 10–11-летний период после смены пола эти люди имеют гораздо более высокие показатели смертности, а также более подвержены суицидальному поведению или другим психическим отклонениям, чем у обычного населения (контрольной группы) [15]. О причинах этого исследователи напрямую не говорят, но в последующих интервью некоторые авторы указывали на значение домини-

рующих культурных и социальных факторов. Австралийские транссексуалы в проведенном среди них обширном обследовании подтверждают, что помимо влияния проблем с самоидентификацией психические отклонения и поведенческие девиации у них возникают на фоне сложившейся в обществе социальной трансфобии [16]. То же самое относится и к трансгендерам, причем вне зависимости от «демократичности» страны проживания: депрессия, суицидальные склонности являются их наиболее типичными психическими проблемами во всем мире и во многом провоцируются повсеместной дискриминацией, стигматизацией, буллингом, социальным отвержением и насилием со стороны окружения [17].

Хотя многие страны (от Непала до Канады) в последние годы юридически признали внебинарную сексуальную норму, позволяя людям при рождении или в течение жизни обозначать в документах «третий» или «иной» пол, сопротивление традиционной нормативной системы сексуальной трансмобильности на бытовом, медицинском, юридическом уровнях остается высоким. В Таиланде, где транссексуализм приобрел особую (по многим причинам) популярность и медицинскую доступность, государство тем не менее отказывает местным транссексуалам («католям») в изменении пола юридически, требуя сохранять в паспорте и других документах указание на физиометрические данные при рождении. Характерной в этом смысле является и история с выпущенным в 2016 г. правительством США руководством для учебных заведений, рекомендовавшим признать право школьников-трансгендеров пользоваться мужским или женским туалетом в соответствии с их собственным выбором [18]. Сначала 11 штатов потребовали отмены этой директивы, а затем новая администрация Д. Трампа отменила ее вовсе. С 2013 г. в США также на законодательном уровне продвигается требование устанавливать публичные (одиночные) унисекс-туалеты, но, как говорят даже самые убежденные сторонники гендерного равенства, подобные заведения хоть и дают свободу для трансгендеров, но для большинства других, и прежде всего женщин, остаются неприемлемыми, так как для многих из них «туалетные комнаты по-прежнему воспринимаются местом особой (женской) социализации» [19. Р. 219]. На международном уровне важным прецедентом можно считать решение Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF), принятое в 2018 г. по поводу допуска к соревнованиям женщин с гиперандрогенизмом, чей уровень тестостерона в крови равен или превышает 5 наномоль на литр, т.е. гораздо выше, чем у большинства женщин (не более 1,79). Новые правила требуют, чтобы такие легкоатлетки либо снижали уровень тестостерона, начиная за полгода до соревнований, либо заявлялись на соревнования для мужчин. В IAAF считают, что повышенный тестостерон дает спортсменкам в указанных дисциплинах «значительное преимущество», а новые требования должны способствовать «честному и полноценному соревнованию» [20]. Эти правила заменили регламент 2011 г., который предоставлял право запретить гиперандрогенным спортсменкам вообще выступать под эгидой IAAF.

В то же время вторичными последствиями социального морфотаксиса бинарных сексуальных норм является стремление самих транссексуалов избежать гендерной дисфории путем принятия своего статуса внутри, а не вне сексуальной гетеронормативности. В частности, австралийские FtM («жен-

щины, ставшие мужчинами») в большинстве своем признают за собой именно «прямой» мужской пол и полностью отвергают использование женских местоимений относительно себя [16. Р. XIV]. В то же время хотя большинство из них не производили фаллопластику, ограничившись гормональной терапией и другими паллиативами (прежде всего из-за дороговизны операций), отношение к остающимся у них «старым» гениталиям выражается в символической и психологической деконструкции вагинальной онтологии: психологически травмирующие остающиеся части женского тела воспринимаются как «не свои», а первичные половые признаки обозначаются с использованием не традиционной «женской» терминологии, а специальных эвфемизмов типа «bonus hole», «front hole», «boy hole» [Ibid. Р. 20]. В сексуальных же отношениях распределение ролей между FtM и их партерами (которые могут быть разного полового и гендерного статуса) строится по фаллоцентричному гетеросексуальному типу – доминирующий мужчина и подчиненная женщина.

Таким образом, морфогенезис полинормативности в *гендерной* трансмобильности сталкивается с фреймированием реальности на более низком уровне в виде регенерации (морфотаксиса) биполярных *сексуальных* норм. Это закономерно ставит вопрос о необходимости выделения примордиальных (в данном случае сексуально-половых) и вторичных (гендерных) норм аскриптивности в обществе.

Можно предположить, что в дальнейшем борьба за признание сексуальной полинормативности продолжится. Например, интерсексуальность (гермафродитизм) при рождении все еще чаще диагностируется как патология, требующая «нормализующего» хирургического вмешательства. Однако психологические, медицинские и социальные последствия таких операций очень часто негативным образом сказываются на судьбе человека. И эта проблема активно ставится на повестку дня: известные люди делают каминг-аут и рассказывают о своем травматическом опыте (модель Хане Габи Одиль), а такая организация, как InterACT Advocates for Intersex Youth, отстаивает защиту прав интерсексов в США и пропагандирует необходимость добровольного согласия на подобные операции. Возникает вопрос: останется ли бинарная сексуальность в будущем доминирующей нормой? Если связывать половые различия с физическим воспроизводством, то однозначно нет, о чем нас обоснованно предупреждают такие исследователи, как уже упоминавшийся ранее Грили.

Однако сексуальная бинарность имеет гораздо более фундаментальную природу своего происхождения и не связана напрямую с половыми (генетическими) различиями. Биологические факторы не являются здесь решающими. Связь сексуальной идентичности и генитального развития биологически не гарантирована в природе. Двуполое деление в животном мире по генитальному признаку нельзя назвать *естественной* (единственно возможной) предопределенностью. Данные показывают, что когда речь идет о репродуктивном поведении, в природе возможны совершенно разные генетические модели половой идентификации: виды, лишенные половых хромосом, но имеющие четкие мужские и женские особи (крокодилы); женские особи могут не иметь вагины и при этом копировать строение мужского тела с помощью псевдопениса и мошонки (пятнистые гиены); организмы, способные

самостоятельно переключать свой пол в зависимости от обстоятельств (табачный группер); анатомически бесполое (недуальные) организмы, размножающиеся самоклонированием (амазонские моллинезии). Что касается человека, то его половое поведение составляет целую систему, состоящую из генетического пола, гонадного пола, гормонального пола, гаметного пола, соматического пола и только потом гражданского пола, психического пола, психосексуального пола и социального пола. При этом природный (генитальный) пол может естественным образом сам меняться со временем. Так происходит в деревне Салинас в Доминиканской Республике, где зафиксирован феномен детей «гуэведочес», когда родившиеся (генитальные) девочки в период полового созревания превращаются из-за гормонального выброса в мальчиков. В целом из многолетнего опыта психобиологии известно, что полиморфная перверсивность личности на ранних этапах взросления делает генитальную реализацию сексуальности лишь одним из многих вариантов либидинальной жизни, поэтому нельзя сделать универсальное заключение о так называемой нормальной сексуальной жизни.

Важнейшей заслугой активно развивающейся науки эво-дево (синтез эволюционной биологии и биологии развития) стало обоснование старой интуиции классического психоанализа о том, что человеческая сексуальность не предустановлена биологически и очень многое зависит от скрытой программы онтогенеза в среде себе подобных [21]. Фенотипическая пластичность, таким образом, может доминировать над генотипом. Этот же тезис, но в социально-философском ключе, является центральным и для современной квир-теории (Дж. Батлер и др.), базирующейся на работах З. Фрейда, М. Фуко, Л. Иригарэ и Т. де Лаурентис и неизменно подчеркивающей, что «биологизация не является „правдой“ о поле, а дискурсом, который легитимировал и легитимирует до сих пор распределение власти, доступ к ресурсам, участие в политике и культурных процессах при помощи гендерной матрицы, предъявляемой как нечто „естественное“» [22. С. 10]. Таким образом, и эво-дево, и квир-теория ниспровергают натуралистичность концепций маскулинности и фемининности, дестабилизируя дуалистическую природу связи пола, гендера и желания.

Однако если квир-теория отвергает всякую гетеротопию в принципе как биополитическую программу сексуального подавления и депривации, то психоанализ в его лакановской (структурной) версии вскрывает в самом «гендерном беспокойстве» наличие непреодолимых барьеров в виде морфотаксических структур, скрытых в недрах бессознательного. Этот механизм гендерно-сексуального морфотаксиса позволяет увидеть, как происходит воспроизводство гетеронормативности на наиболее глубинном уровне личностной организации.

В соответствии с трехчастной структурой человеческой психики, предложенной Ж. Лаканом, «мужское» и «женское» образуют фундаментальное разделение на уровне так называемого *Реального* (бессознательного), лежащего в основе *Символического* (культуры) и *Воображаемого* (самости). Следуя теории Фрейда о функции наслаждения в жизни человека, Лакан доводит до логического конца тезис о том, что всякая (рациональная) деятельность человека направлена на удовлетворение желания, имеющего в своей основе движение сексуализированной энергии Ид. Так, язык как сфера игры означа-

ющих и означаемых, по Лакану, напрямую связан с бессознательным и его структура питает свои корни именно в нем. Это значит, что бессознательное содержит в себе некое базовое различие, которое лежит в основании всех других гетеротопических различий, используемых в языке для означивания мира: форма – материя, причина – следствие, разум – чувства, активный – пассивный, субъект – объект и др. Таким образом, символический порядок, в который погружен экстернализованный человеческий мир, упирается, по Лакану, именно в половое различие на уровне Ид как фундаментальное означающее для этого мира. При этом само это различие, или, как предпочитал говорить о нем сам Лакан, «разделение», подчеркивая его радикально несимволический, «реальный», характер, зиждется не на биполярном выделении и противопоставлении двух сексуальных *природ*, что, само по себе является, скорее, исторически сложившейся биополитической конструкцией гетеронормативного дискурса, а на неизбывном разрыве между постоянным стремлением человека к наслаждению и невозможностью его полностью достичь. В этом смысле маскулинный и фемининный тип наслаждения рождаются после стадии кастрации в онтогенезе как фундаментальный раскол («нехватка») бессознательного в стремлении Я к достижению целостности. Я может выбирать либо один, либо другой тип, но слиться в один они не могут, так как представляют собой *разные* модальности достижения целостности.

Эта перманентно отсутствующая, но искомая целостность, «минус бессознательного» обозначается Лаканом вслед за Фрейдом сначала концептом фаллоса, а позднее фаллической функцией [23]. Ее реализация регулирует развитие всех неврозов, психозов и перверсий у человека и устанавливает ту бессознательную позицию, благодаря которой он идентифицирует свой пол. Как подчеркивает Лакан, клинический опыт показывает, что отношение субъекта к фаллосу устанавливается независимо от анатомических различий между полами. Единственное желание человека – найти свой фаллос, т.е. обрести фаллическую (маскулинную) целостность, ибо другой (фемининной) целостности в *Реальном* не существует. Однако Я, чувствуя свою (фаллическую) нехватку, стремится к Другому («наслаждаться иначе, как, будучи игрушкой чужого наслаждения, вы не умеете», говорит Лакан), но никогда не может преодолеть этот разрыв, поэтому в *Реальном* пола «сексуальных отношений не существует», фаллосу нет пары. Можно либо (самому) иметь фаллос, либо (самому) быть им, и третьего не дано. В эротическом плане это проявляется в двух типах висцерального наслаждения – мужской тип предполагает «телеологическую» центрацию вокруг фаллического оргазма, женский тип рассредоточен вокруг системы отдельных, но взаимосвязанных удовольствий. И оба типа могут, как известно, существовать друг без друга. Как описывает эту вечную «невстречу» С. Жижек, современный последователь Лакана, «„мужское“ и „женское“ – не два вида в роде „Человек“, а, скорее, две разновидности *неудачи* субъекта достичь полной личности Человека. „Мужчина“ и „женщина“ вместе не образуют Целого, поскольку *и тот, и другая сами по себе – несостоявшееся Целое*» [24. С. 126].

Таким образом, Лакан предоставляет нам возможность увидеть третью альтернативу объяснения генезиса пола. Если для «деконструктивистов» от Фуко до Батлер пол – не природная данность, а медиализированный *bricolage*, искусственное объединение разнородных дискурсивных практик,

то Лакан отвергает эту точку зрения, однако не возвращаясь при этом к натуралистическому объяснению. Психоаналитическая «онтология» пола может быть понята как «радикальная гетеронормия, зияющая внутри человека», говоря словами Лакана. И эта гетеронормия находится не между Мужчинами и Женщинами, но между языком как системой различий и примордиальной «нехваткой» целостности, характеризующей всю сферу бессознательного как источника жизни.

С этой позиции становится понятно, почему всякое «гендерное беспокойство» и все его новейшие манифестации никогда не будут способны преодолеть источник своего беспокойства, несмотря на все достижения в области техники, генетики и демократии. Как указывает еще одна последовательница Лакана, А. Зупанчич, «когда на повестку выдвигается определенная идентичность, она автоматически скрывает собой половое различие, в котором как раз и лежат истоки гендерного беспокойства. То есть с онтологической точки зрения выходит, что некая позитивная сущность маскирует истинную негативность различия. Другими словами, минус, соответствующий половому различию, предъявляется в виде плюса, т.е., если угодно, очередной сексуальной идентичности. Таким образом неотъемлемое затруднение, внутренне различие, запускающее гендерное беспокойство, отодвигается дальше, и это повторяется всякий раз при формировании новой идентичности» [25]. Гендерная полинормативность, гомо- и транссексуализм становятся лишь новыми формами обретения фаллоса, и всякое преодоление генитальности в половом вопросе, производящееся в феминизме или квир-теории, в своем отрицании бинарной онтологии производит лишь один тип движения – в сторону маскулинной целостности. Квир-побуждение, таким образом, борясь с генитальностью и гетеронормативностью во имя свободы самовыражения, неявно эксплуатирует тот идеал наслаждения фаллической нехваткой, из которого произрастает сама гетеронормативность как таковая. Анализируя сущность современной «постсексуальной» программы, отечественные исследователи-психоаналитики М. Есипчук и А. Смулянский пишут: «Невозможно не заметить, до какой степени в квир-повестке значима та часть Воображаемого, которая отвечает за представление о привлекательности мужского, отправляемого через нехватку. Чем громче на программном уровне квир-мысль отрекается от того, что она сама опрометчиво определяет как жесткую половую бинарность, тем ярче в ней проступает акцент на том, что Лакан обозначает как -ф, функцию балансирования на неустойчивом краю генитальности. Именно по этому краю так или иначе, независимо от взятого направления гендерной идентификации, и происходит выбор в формировании квир-идентичности» [26. С. 62].

В этой связи частным, но весьма характерным примером трансгрессивной связи женского и мужского желания в области *Воображаемого* стал литературный феномен фанфикшн в жанре слэш – любительские литературные (чаще всего) произведения, в основе которых лежит сюжет о гомосексуальных отношениях популярных героев и персонажей-мужчин, изначально таких отношений не имевших. Как правило, пара, чьи отношения описываются в новом сюжете, указывается через значок /, причем на первом месте стоит герой-инициатор этих самых отношений. Слэш сам различается как по размеру (от небольших зарисовок до целых романов), так и по жанру (от без-

обидного PG-13, где между героями случается максимум целомудренный поцелуй, до порнографического NC-21 с детальным описанием постельных сцен). Персонажами слэш-произведений могут быть как герои известных произведений, так и реальные знаменитости. Их выдуманные любовные истории могут заканчиваться вплоть до мужской беременности. В большинстве случаев авторами слэша являются женщины – от юных фанаток до замужних дам. Свои опусы они пишут не ради прибыли, а для собственного удовольствия, реализуя тайное желание, по их словам, «перенестись в другой мир и испытать чувства, которые не можешь испытать в жизни» (Цит. по: [27]). Станный и неполитический характер сообщества не привлекает к нему существенного институционального внимания, но, по некоторым оценкам, эта субкультура является сегодня одним из крупнейших теневого поставщиков молодых квири и трансгендеров, поскольку увлечение охватывает многотысячные интернет-площадки, становясь для многих способом свободного выражения своей идентичности. И социальное значение этого феномена больше, чем просто культурная сублимация тайных женских страстей. В русле гендерного дискурса слэш показывает невозможность элиминировать фаллос даже в сугубо женском письме, еще раз подтверждая, что связь сексуальности, желания и пола, против которой восстает радфем, существует и существует как реализация фаллической функции бессознательного. Так сексуальная дифференциация продолжает иметь значение для поддержания гендерного порядка.

Заключение

Индивидуализация образа жизни вкупе с техническим прогрессом дают сегодня свободу для полного высвобождения энергии и воображения в социальных практиках трансмобильности. Разрушение традиционно устойчивых нормативных связей между полом, гендером и сексуальностью ставит вопрос о признании или непризнании новых статусно-ролевых идентичностей на разных уровнях социального порядка. Структурную взаимосвязь нормативного морфогенезиса и ригидных эволюционных структур морфотаксиса в гендерно-сексуальных трансмобильных практиках в соответствии с подходом А. Хоннета можно трактовать как борьбу признания и непризнания гетеронормативности на трех уровнях социальности: когнитивном, моральном и правовом.

Как мы видели, дихотомизированные сексуальные (мужской – женский) категории все еще играют важнейшую роль в распределении примордиальных типизаций социальных статусов и ролей, активизируя механизмы воспроизводства гетеронормативности в условиях беспрецедентной морфологической свободы. Трансмобильные переходы и переключения между сексуальными статусами носят, скорее, трансгрессивный («запретный») характер, поэтому любые морфогенетические изменения в этой сфере вызывают компенсационные и гиперкомпенсационные процессы со стороны явных (правовых) и скрытых (моральных и когнитивных) структур социального контроля. При этом морфологическая свобода на «внешнем» гендерном уровне создает или открывает новые, более глубокие уровни социально-нормативного морфотаксиса половых различий внутри процессов самоидентификации личности.

Нужно признать, что диалектика морфогенеза и морфотаксиса половой гетеронормативности находится в весьма напряженном состоянии, ибо различные социальные изменения в этой сфере под давлением социальной эмансипации идут быстрее любых реактивных процессов, поэтому неизбежно возникают нормативные разрывы в признании новых гендерно-сексуальных трансмобильностей. На одном полюсе находится официальное признание «третьего пола» и легитимация трансгендерного сообщества, на другом – правовые ограничения для транссексуалов со стороны государства и других социальных институтов. На одном полюсе морфологическая свобода индивида, на другом – гендерная дисфория и стремление к нормализации в рамках традиционной бинарной сексуальности. На одном полюсе полное отрицание онтологической гетеронормы как нормы, на другом – фаллическое бессознательное.

Не стоит сомневаться, что борьба за признание в сфере гендерно-сексуальной свободы будет продолжена, однако выявленные нами структуры непризнания, воспроизводящиеся в процессе морфотаксиса, не будут уничтожены полностью, но найдут новые формы организации на разных уровнях нормативного порядка с целью поддержания гетеронормативности как эволюционной основы сексуального воспроизводства человека как вида.

Литература

1. Elliott A. Identity Troubles: An Introduction. Abingdon, Oxon; New York, NY : Routledge, 2016.
2. Katerny I.V. Conceiving trans-Mobilities: normative dimension of a new social practice // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia / Editor-in-chief V.A. Mansurov [On CD ROM]. Moscow: RSS, 2016. P. 66–86.
3. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М. : Весь Мир, 2017. С. 88–96.
4. Bostrom N. In defense of posthuman dignity // Bioethics. 2005. № 19 (3). P. 202–214. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>
5. Sandberg A.A. Transhumanist fault line around disability: morphological freedom and the obligation to enhance // Journal of Medicine and Philosophy. 2010. № 35 (6). P. 670–684. URL: <https://doi.org/10.1093/jmp/jhq048>.
6. Greely H.T. The End of Sex and the Future of Human Reproduction. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2016.
7. Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007.
8. Dieterle R.L. The Encyclopedia of Hočąk (Winnebago) Mythology [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hotcakencyclopedia.com/ho.BerdacheOriginMyth.html> (дата обращения: 27.01.2016).
9. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. СПб. : Питер, 2007.
10. Flores A.R., Herman J.L., Gates G.J., Brown T.N.T. How Many Adults Identify as Transgender in the United States? Los Angeles, CA : The Williams Institute, 2016.
11. Herman J.L., Flores A.R., Brown T.N.T., Wilson B.D.M., Conron K.J. Age of Individuals who Identify as Transgender in the United States. Los Angeles, CA : The Williams Institute, 2017.
12. ASPS Reveals First Ever Gender Confirmation Surgery Stats [Электронный ресурс] // URL: <https://www.plasticsurgery.org/video-gallery/asps-reveals-first-ever-gender-confirmation-surgery-stats> (дата обращения: 01.05.2018).
13. Honneth A. The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, MA : MIT Press, 1996.
14. Schilt K., Westbrook L. Doing gender, doing heteronormativity: 'gender normals,' transgender people, and the social maintenance of heterosexuality // Gender & Society. 2009. Vol. 23, № 4. P. 440–464.

15. Dhejne C., Lichtenstein P., Boman M., Johansson A.L., Långström N., Landén M. Long-term follow-up of transsexual persons undergoing sex reassignment surgery: cohort study in Sweden // *PloS One*. № 6(2), e16885. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016885>
16. Jones T., del Pozo de Bolger A., Dunne T., Lykins A., Hawkes G. Female-to-Male (FtM) Transgender People's Experiences in Australia. Cham: Springer, 2015.
17. Virupaksha H.G., Muralidhar D., Ramakrishna J. Suicide and Suicidal Behavior among Transgender Persons // *Indian Journal of Psychological Medicine*. 2016. № 38(6). P. 505–509. URL: <https://doi.org/10.4103/0253-7176.194908>
18. Dear Colleague Letter on Transgender Students, May 13, 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/letters/colleague-201605-title-ix-transgender.pdf> (дата обращения: 21.10.2017).
19. Case M.A. Why not abolish laws of urinary segregation? // Molotch H., Norén L. (eds). Toilet: Public Restrooms and the Politics of Sharing. New York : New York University Press, 2010. P. 211–225.
20. IAAF Eligibility Regulations for the Female Classification (Athlete with Differences of Sexual Development). Published on 23 April 2018, coming into effect as from 1 November 2018. Monaco, 2018.
21. West-Eberhard M.J. Developmental Plasticity and Evolution. New York : Oxford University Press, 2003.
22. Градинари И. Квир-исследования: введение // Критика гетеронормативного порядка: сб. ст. / под ред. И. Градинари. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
23. Лакан Ж. Образования бессознательного : (Семинары: Книга V (1957/1958)) / пер. с фр. М. : Гнозис : Логос, 2002. 608 с.
24. Жижек С. Метастазы удовольствия : Шесть очерков о женщинах и причинности. М. : АСТ, 2005.
25. Корягин К., Шапкина Н. Аленка Зупанчич: «Спасти половое различие или самим спастись от него?» [Электронный ресурс] // URL: <https://syg.ma/@sygma/alienka-zupanchich-vsie-eto-nie-prosto-pro-sieks-i-psikologhiu> (дата обращения: 05.05.2018).
26. Есипчук М., Смелянский А. Что такое фаллос? // Разногласия : Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 7. С. 47–65.
27. Васильева Л. Феномен слэша, или Однополая любовь как литературный тренд [Электронный ресурс] // *Cosmopolitan*, 11 июня 2014 г. URL: <https://www.cosmo.ru/psychology/psychology/fenomen-slesha-ili-odnopolaya-lyubov-kak-literaturnyy-trend/#part0> (дата обращения: 10.05.2018).

Ilya V. Katernyi, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (Moscow, Russian Federation); Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: yarkus@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 112–125.

DOI: 10.17223/1998863X/48/11

GENDER-SEXUAL TRANSMOBILITY AS A NORMATIVE CHALLENGE IN A POSTHUMAN WORLD

Keywords: posthuman; morphological freedom; recognition; gender; sex; queer; gender binary.

The article engages with consequences that the currently proliferating practice of reinvention of gender-sexual identities has for the normative order of society. An emerged posthuman era is featured by “morphological freedom” (A. Sandberg, et al.) conceived as a civil right of a person to modify their own body on their own terms. As a consequence, we can observe a major normative morphogenesis in the domain of the gender binary system. The longstanding cultural assumption that male-female dualities are “natural and immutable” is now rejected as a socially constructed system of patriarchy and male privilege in pre-modern and modern societies. The increasing number of transgender and transsexual passings around the world, as a part of a much wider phenomenon of visceral transmobility, challenges primordial ascriptive heteronormativity. In this context, of sociological interest is the question of how current normative morphogenesis is embedded into the socio-normative order, or whether there are any restrictions and barriers to prevent the dismantling of ascriptive constraints in the posthuman society. The proposed idea is that normative morphogenesis in the domain of ascriptive gender status allocation is accompanied with consistent maintenance of heteronormativity in a deeper sex assignment system. Although there are many countries worldwide (from Nepal to Canada) that

have recently recognized non-binary sexual statuses allowing individuals to legally assign 'third' sex, reluctance to recognize sexual transmobility on a mundane sexual level, as well as on the level of unconscious intentions, and institutional medical and legal activities, continues to keep on. Based on secondary analysis of relevant surveys' data, case-studies, evo-devo ideas, psychoanalysis, the main inference of the article is about the rigidity of morphotaxis (as opposite to morphogenesis), a latent mechanism functioning to preserve the primordial social order by the way of persistent reproduction of heteronormativity. Elaborating on Axel Honneth's theory of the "struggle for recognition", it is concluded that the structures of "non-recognition" reproduced in the process of normative morphotaxis still matter and will not be eliminated by emerging opportunities of "morphological freedom", but will ever find ways to contain transmobility in the domain of the gender-sexual normative system for the sake of the survival of the humankind, which is possible on the evolutionary foundation of sexual binary only.

References

1. Elliott, A. (2016) *Identity Troubles: An Introduction*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
2. Katernyy, I.V. (2016) Conceiving trans-Mobilities: normative dimension of a new social practice. In: Mansurov, V.A. (ed.) *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. Moscow: RSS. pp. 66–86.
3. Devyatko, I.F., Abramov, R.N. & Katernyy, I.V. (2017) *Normy i moral' v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam* [Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas]. Moscow: Ves' Mir. pp. 88–96.
4. Bostrom, N. (2005) In defense of posthuman dignity. *Bioethics*. 19(3). pp. 202–214. DOI: 10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x
5. Sandberg, A.A. (2010) Transhumanist fault line around disability: morphological freedom and the obligation to enhance. *Journal of Medicine and Philosophy*. 35(6). pp. 670–684. DOI: 10.1093/jmp/jhq048.
6. Greely, H.T. (2016) *The End of Sex and the Future of Human Reproduction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Rose, N. (2007) *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Dieterle, R.L. (n.d.) *The Encyclopedia of Hočqk (Winnebago) Mythology*. [Online] Available from: <http://www.hotcakenyclopedia.com/ho.BerdacheOriginMyth.html>. (Accessed: 27th January 2016).
9. Garfinkel, G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Research on ethnomethodology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
10. Flores, A.R., Herman, J.L., Gates, G.J. & Brown, T.N.T. (2016) *How Many Adults Identify as Transgender in the United States?* Los Angeles, CA: The Williams Institute.
11. Herman, J.L., Flores, A.R., Brown, T.N.T., Wilson, B.D.M. & Conron, K.J. (2017) *Age of Individuals who Identify as Transgender in the United States*. Los Angeles, CA: The Williams Institute.
12. The American Society of Plastic Surgeons. (2016) *ASPS Reveals First Ever Gender Confirmation Surgery Stats*. [Online] Available from: <https://www.plasticsurgery.org/video-gallery/asps-reveals-first-ever-gender-confirmation-surgery-stats>. (Accessed: 1st May 2018).
13. Honneth, A. (1996) *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, MA: MIT Press.
14. Schilt, K. & Westbrook, L. (2009) Doing gender, doing heteronormativity: 'gender normals,' transgender people, and the social maintenance of heterosexuality. *Gender & Society*. 23(4). pp. 440–464. DOI: 10.1177/0891243209340034
15. Dhejne, C., Lichtenstein, P., Boman, M., Johansson, A.L., Långström, N. & Landén, M. (2011) Long-term follow-up of transsexual persons undergoing sex reassignment surgery: cohort study in Sweden. *PloS One*. 6(2). DOI: 10.1371/journal.pone.0016885
16. Jones, T., del Pozo de Bolger, A., Dunne, T., Lykins, A. & Hawkes, G. (2015) *Female-to-Male (FtM) Transgender People's Experiences in Australia*. Cham: Springer.
17. Virupaksha, H.G., Muralidhar, D. & Ramakrishna, J. (2016) Suicide and Suicidal Behavior among Transgender Persons. *Indian Journal of Psychological Medicine*. 38(6). pp. 505–509. DOI: 10.4103/0253-7176.194908
18. US Department of Justice, US Department of Education. (2016) *Letter on Transgender Students, May 13, 2016*. [Online] Available from: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/letters/colleague-201605-title-ix-transgender.pdf>. (Accessed: 21st October 2017).

19. Case, M.A. (2010) Why not abolish laws of urinary segregation? In: Molotch, H. & Norén, L. (eds). *Toilet: Public Restrooms and the Politics of Sharing*. New York: New York University Press. pp. 211–225.
20. IAAF. (2018) *IAAF Eligibility Regulations for the Female Classification (Athlete with Differences of Sexual Development)*. Published on 23 April 2018, coming into effect as from November 1, 2018. Monaco: [s.n.].
21. West-Eberhard, M.J. (2003) *Developmental Plasticity and Evolution*. New York: Oxford University Press.
22. Gradinari, I. (2015) Kvir-issledovaniya: vvedenie [Quier studies: introduction]. In: Gradinari, I. (ed.) *Kritika geteronormativnogo poryadka* [Criticism of the heteronormative order]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
23. Lacan, J. (2002) *Obrazovaniya bessoznatel'nogo* [The Formations of the Unconscious]. Translated from French. Moscow: Gnozis: Logos.
24. Žižek, S. (2005) *Metastazy udovol'stviya. Shest' ocherkov o zhenshchinakh i prichinnosti* [The Metastases of Enjoyment: Six Essays on Woman and Causality]. Translated from English by Sh. Martynova. Moscow: AST.
25. Koryagin, K. & Shapkina, N. (n.d.) *Alenka Zupanchich: "Spasti polovoe razlichie ili samim spastis' ot nego?"* [Alenka Zupanchich: "To save the sex difference or to be saved from it?"]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@sygma/alienka-zupanchich-vsie-eto-nie-prosto-pro-sieks-i-psikhologhiuu>. (Accessed: 5th May 2018).
26. Esipchuk, M. & Smulyanskiy, A. (2016) Chto takoe fallos? [What is a phallus?]. *Raznoglasiya. Zhurnal obshchestvennoy i khudozhestvennoy kritiki*. 7. pp. 47–65.
27. Vasilieva, L. (2014) Fenomen slesha, ili odnopolaya lyubov' kak literaturnyy trend [The slash phenomenon, or same-sex love as a literary trend]. *Cosmopolitan*. 11th June. [Online] Available from: <https://www.cosmo.ru/psychology/psychology/fenomen-slesha-ili-odnopolaya-lyubov-kak-literaturnyy-trend/#part0>. (Accessed: 10th May 2018).